

Россия: многообразии цивилизаций и собственная цивилизационная проектность

Кто мы – часть Запада или самостоятельная цивилизация?

Владимир Штоль

Монография «Россия в многообразии цивилизаций»*, подготовленная авторским коллективом Института Европы РАН, является продолжением большой работы, начатой еще в середине XX в. По своему формату это фундаментальный научный труд, цель которого заключается в исследовании всех или большинства основных аспектов современного глобального развития, связанных с ним тенденций и закономерностей, а также динамики эволюции отдельных субъектов и их места и роли в мировых процессах.

Промежуточные итоги этой большой работы были подведены выходом одноименного доклада в трех частях, появление которого стало заметным событием не только научной, но и политической жизни, а также на посвященном ему круглом столе, проведенном Институтом Европы РАН (март 2008 г.). Поэтому очень важно подчеркнуть, что положения и выводы монографии рождались в достаточно острых дискуссиях, которые велись как внутри авторского коллектива, так и с участием широкой научной общественности.

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор. *E-mail:* observer@nasled.ru

Ключевые слова: Россия, Европа, цивилизация, цивилизационный генезис, цивилизационный проект, геополитика, евразийский «Хартленд», глобализация, перспективы человечества, рецензия.

* Россия в многообразии цивилизаций. Доклад Института Европы РАН. М., 2011. – 892 с.

Достоинством монографии, безусловно, является междисциплинарный подход, которого так недостает очень многим современным научным исследованиям. Авторы справедливо указывают на противоречие между познанием и предпринимательством, в тисках которого оказалась зажатой современная наука. Проявлениями этого противоречия, как следует из работы, являются ее коммерциализация и приоритет конкурентоспособности, преобладание прикладных исследований над фундаментальными и внедрение принципа «платят за то, что продается», уменьшение роли индивидуального творчества в пользу командных форм научной деятельности. И, как следствие, ускоренный рост количества интеллектуалов не в академической, а в прикладной среде, где они концентрируются в банковском и промышленном бизнесе, частных и корпоративных исследовательских центрах и т. д.

Тем ценнее сохранение научных коллективов, которые, подобно авторскому, придерживаются не узкоспециализированного, а комплексного подхода, позволяющего получать обобщенные и систематизированные представления о фактах, событиях, тенденциях и векторе современного развития в страновом, региональном и глобальном контекстах.

Подчеркнем и еще одно важное достижение авторов – оптимальность сочетания теоретических и концептуальных аспектов с практикой, что позволило избежать, к сожалению, нередкого для современной науки дисбаланса между фактологией и уровнем ее анализа.

Отдельно отметим, что многие из приведенных в работе фактов и событий являются уникальными или, по крайней мере, далеко не общеизвестными, что повышает яркость и познава-

тельность монографии и свидетельствует о глубине проделанной работы и высоком профессионализме авторов.

Это относится ко всем трем частям рассматриваемого материала, но в особенности ко второму, содержащему важные и интересные сведения обо всех основных аспектах и этапах эволюции Европы, в том числе о ценностях, общем и особенном в исторических корнях европейских народов, взаимодействии которых способствовало появлению к исходу XX в. такого феномена, как европейская идентичность, роль в ее формировании религиозно-духовных, национальных, государственных, социальных и иных факторов. Во всей глубине исторических особенностей и противоречий показывается процесс строительства европейских наций, который рассматривается в привязке к самой тенденции формирования национального государства как продукта европейского развития, а также роль, сыгранная в этом процессе таким рубежным событием мировой истории, как формирование Вестфальской системы.

Очень глубоко и всесторонне анализируются современные аспекты европейской эволюции, среди которых основное внимание справедливо отведено тем процессам и тенденциям, способствовавшим развитию интеграции Европы и созданию Европейского союза. Подробно раскрыты генезис и основные этапы интеграционных шагов и мер, рассмотренным во всей их противоречивости, обусловленной тесной взаимосвязью противодействующих друг другу тенденций – национального обособления и объединения.

Не ограничиваясь выявлением общеевропейских истоков интеграции, авторы показывают развитие подобных тенденций в каждой крупной стране. Демонстрируются как идеологические истоки интеграционного процесса, так

и многие его конкретные механизмы и взаимосвязь с выдвинутой в начале XX в. идеей создания международных организаций, отвечающих за коллективную безопасность, которыми стали Лига Наций и ООН. На конкретных примерах показано, что именно Европа, которая, с одной стороны, стала узлом международных противоречий, породивших две мировые войны, а с другой – на протяжении многих веков шаг за шагом вырабатывала нормы межрелигиозного, межэтнического и социального общежития, стала оптимальным полигоном отработки моделей трансграничной и транснациональной универсализации.

В сочетании с простым, ясным и доступным языком, которым написана монография, все это обеспечивает ее ценность и как научно-популярной литературы, адресованной широкому кругу читателей, включая, что особенно важно, студентов, аспирантов, начинающих специалистов и в целом интеллектуалов не только гуманитарного, но и технического профиля.

Безусловной заслугой авторского коллектива является большое внимание, неизменно уделяемое цивилизационному подходу, в русле которого была осуществлена первичная разработка рассматриваемой темы, впервые опубликованной в докладе 2008 г. Противопоставляя выдвинутой С.П. Хантингтоном теории «войны цивилизаций» концепцию широкого, взаимодополняющего сотрудничества и взаимодействия в решении глобальных проблем, авторы монографии достаточно убедительно выстраивают цепочку таких взаимосвязанных между собой явлений современности, как «сиамизация» взаимодействующих цивилизаций, которую они видят основным механизмом или «приводным ремнем» глобализации.

«Сиамизация», которая определяет как двусторонний процесс миграции капитала и производственной операции, вообще, на наш взгляд, очень удачная терминологическая находка, адекватно и более точно, нежели глобализация и интеграция, описывающая развитие мировых процессов. Вместе с тем следует поспорить с утверждением авторов о стирании с помощью «сиамизации» грани между геополитикой и геоэкономикой, утверждение о котором в работе делается на примере прежде всего американо-китайской «сиамизации», исходя из ее масштабов.

Сугубо методологически геоэкономика – лишь часть геополитики, ибо является одним из инструментов ее осуществления. В условиях глобализации геополитика не сращивается с геоэкономикой, а наряду с ней глобализируется и начинает проводиться в интересах не только отдельных государств, но и региональных и международных блоков, альянсов и союзов, а также ТНК.

Яркое подтверждение этому мы видим в варварской агрессии НАТО против Ливии, обусловленной не столько геоэкономическими причинами (нефть), которые важны, но, безусловно, вторичны, сколько именно геополитическими, связанными с началом практической реализации обнародованного в 2006 г. Пентагоном стратегического плана «Большого Ближнего Востока».

Да и в том, что касается развития отношений между США и КНР, экономическое взаимодействие никак не отменяет геополитического противостояния, приобретающего порой весьма острые формы.

Речь идет о корейском и тайваньском вопросах, поддержке Вашингтоном тибетского и уйгурского сепаратизма, встречающей с американской стороны все более жесткое противо-

действие китайской экспансии в Юго-Восточной Азии и Австралии и т. д.

Такие крупные фигуры в американском и глобальном истеблишменте, как, к примеру, Дж. Най-мл. (североамериканский директор Трехсторонней комиссии), обвиняют Китай в отходе от курса Дэн Сяопина на стратегическое взаимодействие с США.

В вину Пекину ставятся такие действия, как отказ от сотрудничества в климатических вопросах, проявившийся во время XV Конференции сторон рамочной конвенции ООН по изменению климата (декабрь 2009 г., Копенгаген) и некоторые другие¹.

Поэтому если и можно говорить о мутации геополитики, то скорее она протекает в форме ускорения и интенсификации процесса ее перетекания в глобально-управленческую плоскость геостратегии, на что еще в середине 90-х годов указывали такие крупные теоретики и практики глобализации, как Г. Киссинджер («Дипломатия») и З. Бжезинский («Великая шахматная доска»).

Вместе с тем важно, что авторы монографии не переоценивают роли и значения неоллиберальной модели глобализации, действительно сталкивающейся с повсеместным возрастающим сопротивлением, и указывают на ее многочисленные противоречия, среди которых выделяют «проблемы совместимости разных цивилизационных укладов и культур, обострение противоречий между курсом ТНК и национальными интересами многих стран <...>», и т. д.

В работе абсолютно верно обращается внимание на пробивающие себе дорогу иные глобализационные модели, пытающиеся предложить «другую» глобализацию, которая мыслится в качестве «гуманистически-ноосферной» (по В. И. Вернадскому) альтернативы.

Поиск такой альтернативы авторы справедливо начинают не с экономической или политической сфер, а с культуры, признавая тем самым ее роль как универсального средства коммуникативной преемственности и выходя с ее помощью на фундаментальные вопросы современности и будущего.

Посвященный в монографии данному вопросу фрагмент, ввиду его важности, необходимо обсудить более подробно, а для этого процитировать (с. 133). «<...> Духовные скрепы общества не могут оставаться прочными в условиях преобладания зрелищности над оценочными суждениями и отказа от свойственных классической культуре противопоставлений прогресса и регресса, высокого и низкого, морального и аморального. Над „человеком потребляющим“, безусловно, нужен **контроль, осуществлять который может (sic!) либо организованное по бюрократическому принципу, либо самоорганизованное общество**. Последнее, безусловно, предпочтительнее, хотя и значительно труднее достижимо, поскольку подразумевает локальность управленческих действий на разных уровнях социума. **Но в условиях обвального роста сетевых структур и укоровившейся уже к середине XX века массовой культуры об этом можно лишь мечтать**» (выделено. – Авт.).

Принципиальность этого вывода трудно переоценить и остается лишь поблагодарить авторский коллектив за такую острую и точную постановку актуальнейшего, если не сказать главного, вопроса современности и обозримого будущего. Раскрывая данную проблематику со ссылкой на крупнейшие научные авторитеты – Нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и М. Алле, в монографии показывается не только противоречие между управленческим императивом и ограниченностью возможностей существующей сегодня системы глобального управления, институционально распространяющейся в основном на финансовую сферу, но и подвергается обоснованной критике

концепция сетевого общества или «третьего пути».

Иначе говоря, авторы обсуждаемого труда, рассматривая ширящиеся тенденции глобального развития, считают создание «нечто похожего на мировое правительство» (с. 871) не худшим, хотя и маловероятным вариантом. Кроме того, они честно и откровенно предупреждают читателей, что декларируемый «левоцентристский» характер альтернативных моделей глобализации, жестко критикующих нынешнюю неолиберальную модель, на самом деле никакой альтернативой не является, ибо вместо слияния культур предлагает их интеграцию на мультикультуральной основе механического суммирования. И при этом указывают на поддержку альтернативных моделей глобализации такими неоднозначными в плане репутации международными структурами, как «Горбачев-фонд».

Если говорить еще определеннее, то «альтернативный глобализм» представляется не чем иным, как проектом глобальной «перестройки», о якобы необходимости которой, как мы знаем, сам М. С. Горбачев высказывается настолько определенно и регулярно, что трудно объяснить это одним лишь стремлением этого одиозного деятеля не дать о себе забыть.

В подтверждение неспособности глобализма – официального либо оппозиционного – выдвинуть альтернативу, не связанную с фактическим внедрением «внешнего управления», мы можем привести три соображения.

Во-первых, о неэффективности мультикультурализма совсем недавно (в начале 2011 г.), то есть уже после сдачи монографии в печать, высказались лидеры крупнейших европейских государств – Н. Саркози, А. Меркель и Дж. Кэмерон.

Во-вторых, «сверхнормативная» для мирного времени, по выражению ав-

торов монографии, миграция имеет глобалистские корни и во многом является способом управляемой реализации, сформулированной первым главой ЕБРР Ж. Аттали, концепции номадизма – «нового кочевничества».

Так, по мнению М. Хардта и М. Негри – авторов наделавшей на Западе немало шума книги «Империя», помимо «богатого» номадизма, являющегося синонимом глобальной олигархии, существует и «бедный», действующий в логике «Коммунистического манифеста»². Выводы директора Центра исследований постиндустриального общества (ЦИПО) В. Л. Иноземцева о «перетекании» населения с мировой «периферии» в «центр» и особенно об истоках современного международного терроризма, обусловленного теми же проблемами бедности, что и коммунистическое движение, с которыми солидаризуется авторский коллектив, очень хорошо коррелируются с мнением исследователей, указывающих на сохранение коммунизмом исторической перспективы, обусловленной тесной связью его установок, в том числе идеологических, с исламом³.

В-третьих, как показывает опыт революций начала 2011 г., прокатившихся по странам арабского Востока, сетевая организация при всем свойственном ей децентрализованном характере сама нередко используется в качестве специфического управленческого режима, когда сетевые центры руководят с помощью не порядка, а хаоса.

Как тонко подмечал упоминаемый авторами М. Кастельс, «<...> сетевая логика влечет появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, мотивирующие само формирование подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой,

наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим, выступает в качестве важнейших источников власти <...>².

Подобные технологии, как известно, активно разрабатывались в созданном под руководством С. Манна Институте сложности в Санта-Фе (США). «Глобальная взаимозависимость», характеризующая деятельность нынешних структур глобального управления, в модели «управляемого хаоса» заменяется «самоорганизующейся критичностью»⁴, а вместе они образуют систему контроля над развитием глобальных процессов, отдаленно напоминающую глобальную двухпартийную модель, в рамках которой порядок ассоциируется с правым, а хаос с левым началом. Смену именно этих парадигм мы, по большому счету, и наблюдаем на примере различий внешнеполитической стратегии США при Дж. Буше-мл. и при Б. Обаме.

Поэтому авторы сами в известной мере вводят в свой труд определенное противоречие, когда говорят о глобализации как о современном этапе глобальной «интернационализации». Ибо подобная интернационализация в целом представляет собой линейный процесс, в то время как сочетание управления с помощью порядка и хаоса выводит на передний план нелинейные зависимости, образующие с линейными сложный конгломерат явлений и тенденций, графическое отражение которого может быть представлено в виде некоей синусоиды. Да и прежние этапы «глобальной интернационализации» линейностью не отличались: существует, например, точка зрения, что в начале XX в. уровень взаимозависимости ведущих государств был даже более высоким, чем в начале XXI в. Поскольку предотвратить военную катастрофу это не смогло, нет оснований полагать, что это

окажется по плечу сегодняшней глобализации.

Другое противоречие, на наш взгляд, в негативистской оценке цивилизации как перерождения культуры. С одной стороны, существуют и другие точки зрения. О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби признают цивилизацию не низшей, а высшей формой эволюции локальных (национальных, государственных, региональных) культур. Видный исследователь культурной антропологии А. П. Назаретян в рамках синергетического подхода считает культуру функцией цивилизации как неравновесной системы, обеспечивающей ее внутреннюю и внешнюю устойчивость. Одновременно можно назвать и четвертую позицию, правда, крайне поверхностную, которая заключается в постановке знака равенства между цивилизацией и культурой.

С другой стороны, авторы монографии ведь и сами абсолютно верно выделяют в своем исследовании материальный и культурно-исторический аспекты цивилизации. Нетрудно убедиться, что говорить о «перерождении культуры в цивилизацию» – и то ограниченно – можно лишь применительно к материальному аспекту, но никак не к культурно-историческому, связанному с накоплением цивилизационной преемственности и увеличением ее самоценной исторической продолжительности.

Работа авторского коллектива имеет четкую и логичную структуру, в рамках которой последовательно рассматриваются проблемы, обусловленные развитием контактов между цивилизациями и их воздействием на складывающийся миропорядок и его изменения, а также ситуация в Европейском союзе и особенности его взаимоотношений с Россией – двух- и многосторонних, – и пути дальнейшего развития нашей страны.

Все сказанное убеждает нас в том, что недостатки и узкие места работы в целом являются прямым продолжением ее достоинств и, если их обобщить, заключаются в категоричности, можно сказать, императивности исходных установок анализа. В результате этого в рассматриваемой проблематике выделяется приоритетный аспект, которому отводится роль заведомо доминирующего, что формирует условия для идеологизации практических выводов и шагов, которые могут быть сделаны и предприняты в направлении реализации рекомендаций авторского коллектива. Это не снижает научной ценности работы, но вносит в монографию элементы партийности. Причем авторы монографии не скрывают, что апеллируют к так называемым «креативным», «продвинутым» слоям общества, что идеологически сближает представленный ими труд с разработками ряда неакадемических центров, занимающихся продвижением спецпроекта «Модернизация».

Первое, что, на наш взгляд, необходимо отметить, – однозначное причисление России к Западу, представление нашей страны его частью. Авторы признают, что такая точка зрения не единственная и что существуют и другие («Россия – не Европа», «Россия – другая Европа» и т. д.). Но при этом безапелляционно заявляют о наличии у них общего и абсолютного консенсуса по данному, весьма спорному вопросу, что подтверждается содержанием монографии, за исключением тех ее частей, которые принадлежат перу Н. П. Шмелева, В. П. Федорова и А. А. Громько.

С одной стороны, такое мировидение противоречит объективной реальности, и понимание этого побуждает авторов продвигать эти взгляды в директивной форме, невзирая при этом на буквально кричащие противоречия,

например: «В цивилизационном плане Россия, оставаясь евро-азиатской и многоконфессиональной страной, (*sic!*) безусловно, принадлежит к европейскому типу. Не говоря уж о нашей исторической и (*sic!*) географической принадлежности к Старому Свету <...>» и т. д. (с. 417).

С другой стороны, такая позиция побуждает авторов достаточно уничтожительно высказываться о других подходах, признавая их существование и даже доминирование, но при этом объясняя это с сугубо субъективистских позиций. Например: «<...> Уже в конце 90-х годов, но особенно в начале XXI века в российском обществе, тяжело переживавшем национальное унижение, произошел коренной перелом настроений. В официальном дискурсе зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находят идеологическую подпитку в подъеме антизападных, клерикальных и почвеннических течений <...>» (с. 208–209).

Демонстрируемый здесь уже открыто идеологический подход, на наш взгляд, безусловно связан с позицией, занимаемой отдельными представителями Института Европы РАН в Совете по внешней и оборонной политике и Совете при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека.

Заявленный еще во введении этот однозначный подход приводит к тому, что на протяжении всей монографии с разных углов зрения рассматривается один и тот же алгоритм выводов, предложений и рекомендаций, которые сводятся к тому, каким именно образом Россия должна встраиваться в Запад, целесообразность чего сомнению не подвергается.

Наглядный пример: перечисление преимуществ членства России в ВТО (с. 440–441). Здесь обсуждаются мно-

гочисленные детали и инструменты, совершенствующие механизм отношений России со странами ЕС, но лишь вскользь упоминаются негативные, причем действительно фундаментальные последствия этого шага.

Например, двукратное увеличение таможенного обложения импорта (при зашкаливающем уровне продовольственной зависимости крупных городов*), обострение конкурентной среды для отечественных предприятий на внутреннем рынке, равнозначное их разорению, жесткие последствия для специализированных отраслей и моногородов, составляющих более половины экономики, и т. д.

Авторы как будто не замечают, что каждый из этих факторов, даже взятый в отдельности от остальных, запросто может послужить детонатором масштабной социально-политической дестабилизации (пример Февральской революции 1917 г.). Становится очевидным, что непереносимое вступление в ВТО рассматривается либо самоцелью, либо инструментом предполагаемой опоры на внешние силы при возможных кардинальных изменениях внутривластной ситуации.

Другой пример: неубедительным выглядит просто-таки императивное утверждение авторов о том, что едва ли не главной причиной распада СССР и СЭВ явилось следование принципу «мы сами» (с. 398).

Во-первых, авторам хорошо известно (хотя они об этом и не говорят), что следование этому принципу обуславливалось растянутым на десятилетия противостоянием с Западом, побуждавшим нас культивировать самодостаточность, – довоенным и послевоенным, которое было начато не по нашей инициативе.

Не СССР, а Запад привел к власти Гитлера; не И. В. Сталин, а У. Черчилль провозгласил холодную войну, не мы, а американцы создали атомную бомбу, не в советской, а в западной зоне оккупации была провозглашена ФРГ, не Советский Союз, а Запад первым стал создавать военно-политические блоки и т. д.

Во-вторых, в работе не рассматриваются возможные перспективы реализации принципа «мы сами» в случае, если бы вместо предложенного Е. Г. Либерманом «хозрасчета», внедренного в ходе косыгинских реформ, был реализован проект академика В. М. Глушкова – ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации), способный вывести СССР в мировые лидеры в информационной сфере.

В-третьих, опускаются неоднократно приводившиеся крупными западными лидерами высокие оценки эффективности советской экономической системы.

Например, М. Тэтчер: «Советский Союз – это страна, представляющая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе <...> Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста ВВП у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков»⁵.

Наконец, в-четвертых, авторами даже не рассматриваются возможные альтернативы современной «инновационной» экономике. Между тем, по оценкам М. Л. Хазина, сделанным на примере США, «<...> сектор „новой“ эко-

---

* По оценкам ряда независимых экспертов, зависимость от импортного продовольствия в Москве достигает 90 %, а в Санкт-Петербурге – 70 %.

номики, в который были включены отрасли, связанные с информационной экономикой, а также оптовая и розничная торговля, занимая примерно 25% экономики США по потребляемым ресурсам, „выдает“ обратно в экономику всего около 15%»⁶.

Это настоящий приговор инновационной экономике, по крайней мере, в ее современном, информационном виде. Тем самым фактически признается политическая и, следовательно, глобально-управленческая мотивация этого тренда, сложившегося, как выясняется, под воздействием не объективных, а субъективных тенденций, сформированных, по-видимому, вполне определенными интересами и силами.

Подобных примеров по ходу монографии можно привести множество, и мы намеренно продемонстрировали далеко не самые яркие. Все это не только существенно обедняет работу, но и в отдельных случаях побуждает авторский коллектив к селективному подбору фактов.

В частности, авторы воздерживаются от оценок угрозы для национальной безопасности России наполеоновской экспансии, отдавая предпочтение при рассмотрении этого исторического периода гуманистическим идеалам Французской революции; критикуя консерватизм Священного союза, они не указывают на роль в его создании и в прекращении его деятельности британской монархии; не упоминается об иезуитских и масонских корнях, проникших в Россию «просвещенных» европейских идей, подробно раскрытых видным дореволюционным историком С. П. Мельгуновым⁷ и т. д. Между тем очевидно, что если на Западе масонство, имеющее двойственный, протестантско-окультурный генезис, противостояло бывшей проектной идее – католицизму, то в России действующей – православию. И, получив распростране-

ние в просвещенной среде, подрывало абсолютно все устои – от религиозно-духовных до государственных.

О тчасти такая убежденность в принадлежности России к Европе объясняется уже отмеченной нами недооценкой геополитического фактора, которая, заметим, распространяется не только на современность, но и на более отдаленные события, по срокам однозначно подпадающие под традиционную геополитическую трактовку всемирно-исторического процесса.

Между тем общеизвестно, что все классические школы геополитики, прежде всего западные – от Ф. Ратцеля и Р. Челлена до Х. Дж. Маккиндера, К. Хаусхофера и З. Бжезинского, рассматривая базовыми категориями морское и сухопутное начала, сходятся в том, что «центр мира» представлен так называемым евразийским «Хартлендом» – «мировым островом», по отношению к которому Европа является небольшим полуостровом, расположенным на его западной оконечности. Разногласия о том, где именно проводить границу между «морем» и «сушей», среди западных стратегов начинались уже после признания этой основополагающей данности, и спор, как показывают труды К. Шмитта, Э. Саттона и других исследователей, велся вокруг принадлежности к «морю» или «суше» отнюдь не России, а Германии⁸.

Отсюда проистекает недооценка авторами геополитической доктрины евразийского течения, которое они рассматривают как ограниченное исключительно идеологическими и духовными рамками триады «державность, духовность, соборность». Заметим, что подмена геополитики не только экономической, но и социально-гуманитарной проблематикой («правами человека», «демократией», «гражданским обществом», «рыночной

экономикой» и иными ценностями, источником которых является Запад) – «фирменный» прием современного глобализма.

Авторам явно не помешало бы обратиться к генезису перечисленных «ценностей», указанному С. Манном, отмечая, что инструментами целенаправленного внедрения хаоса как способа деструкции, применяемого в национальных интересах США, являются (*sic!*) содействие демократии, рыночным реформам и развитию СМИ через частный сектор⁹.

Другой причиной абсолютизации авторами «европейской принадлежности» России, на наш взгляд, является принуждение религиозного фактора, составляющего фундамент различий между Россией и Западом, и чрезмерное возвышение секулярного начала.

Такой крупный теоретик и практик западной политической мысли, как Г. Киссинджер, не случайно разделяет геополитический и цивилизационный факторы и отмечает, что «<...> Российская империя всегда играла определенную роль в европейском равновесии, но в духовном плане никогда не была его частью»¹⁰. Это в полной мере относится и к СССР, который Киссинджер считает «сплавом коммунистической идеологии и традиционной российской внешней политики»¹⁰.

При этом попытки универсализации западных ценностей резко активизировались с принятием именно тех документов и созданием именно тех институтов, которым в монографии дается явно завышенная или уклончиво нейтральная оценка (Парижская хартия для новой Европы, ОБСЕ и т. д.).

Отметим, что такой видный теоретик цивилизационного подхода, как Э. А. Азроянц, справедливо считает Запад «единственной нетрадиционной цивилизацией, которая выше ставит не консенсус и традиции, а право, законы и контракты»². Иначе говоря, в центр на Западе ставится не моральный и нравствен-

ный идеал, а материальные аспекты бытия (благополучие, процветание и т. д.), которым в основном и придается статус «общечеловеческих ценностей».

Второй дискуссионной проблемой является приведенная в монографии классификация цивилизаций, которая содержит те же самые противоречия, что и вышедший в 2008 г. одноименный доклад.

Глубочайший анализ цивилизации как объекта исследования, проделанный А. А. Громыко (гл. 36), содержащий не только историографию этого вопроса, но и комплекс религиозных, культурных, исторических, географических и иных аспектов, обуславливающих типологию цивилизаций, соседствует с представленной в первой части работы апологией отдельных, частных аспектов, которые ставятся во главу угла фактически без объяснения причин.

Это закономерно порождает противоречия. С одной стороны, европейская цивилизация отделяется как от североамериканской, так и от российской. Тем самым авторы не только, по сути, соглашались с теми исследователями, которые, например А. И. Фурсов (вслед за В. П. Федоровым), исходят из цивилизационной самостоятельности и самодостаточности России, но и вступают в полемику внутри самого авторского коллектива со сторонниками другой точки зрения – о существовании единой «западной» цивилизации.

С другой стороны, авторами говорится о русской (православной) цивилизации, что тоже представляется неоднозначным.

Во-первых, в мире насчитывается более 20 поместных и автокефальных православных церквей, что не позволяет отождествлять с православием только русскую цивилизацию.

Во-вторых, имперская трансформация России в петровскую эпоху, а также

советская национальная политика, которая – трудно не согласиться с авторами – способствовала формированию единой исторической общности – советского народа, позволяют говорить о постепенном преобразовании русской цивилизации в российскую, образованную союзом славянско-православного и тюрко-исламского начал. Распад СССР развитие этой тенденции, безусловно, приостановил, но всячь не обратил. Сегодня не существует доказательств невозможности реинтеграции постсоветского пространства в единый ареал, что подтверждается и плюрализмом мнений внутри самого авторского коллектива: от апелляции к восприятию русских «другими», даже в Белоруссии, до утверждений о неразрывной «культурно-цивилизационной близости» в СНГ.

С сугубо политической и геополитической точки зрения приверженность российскому «европейству», как и недооценка в историческом и современном контекстах цивилизационной и геополитической самостоятельности нашей страны, укрепляет позиции крайне деструктивных, антигосударственных сил.

Придерживаясь весьма спорной, если не сказать одиозной, геостратегической концепции *Париж – Берлин – Москва*, являющейся совокупным продолжением троцкизма («перманентная революция») и нацизма (*Lebensraum*), сторонники этого взгляда не только имеют прямое отношение к распаду СССР, но и вынашивают аналогичные планы и для Российской Федерации.

Важно отметить, что этот проект опирается в том числе и на экуменические тенденции в РПЦ, укорененные в наследии видного церковного иерарха 60–70-х годов митрополита Никодима (Ротова), одним из учеников и последователей которого является нынешний Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Явная симпатия авторов к экуме-

низму является ответом на вопрос о том, почему объектом критики деятельности Отдела внешних церковных связей (ОВСЦ) в монографии становится не отрицание его нынешним главой митрополитом Иларионом (Алфеевым) основополагающей для российской цивилизационной идентичности концепции «Москва – Третий Рим», а борьба с сектантством и усиление в РПЦ консервативно-охранительных настроений. Между тем экуменизм и консерватизм Церкви взаимосвязаны той же логикой, что и успешность республиканских администраций США в достижении договоренностей с СССР по сравнению с демократическими. Консерваторов труднее заподозрить в отступлении от принципов, и современное руководство РПЦ, на наш взгляд, пользуется именно этим. (Хотя не можем не отметить, что прикрываемый консерватизмом экуменический курс вызывает растущее сопротивление в рядах не только мирян, но и священноначалия.)

Что касается сектантства. Управляющие центры приведенных в монографии сект – иеговистов, кришнаитов, бахаистов, мунитов, сайентологов и т. д. – находятся, как известно, за рубежом, а их деятельность носит подрывной характер, угрожая не только цивилизационным основам, но и национальной безопасности России. Поэтому логичнее было бы услышать от авторов не оправдание их активности наличием у этих сект государственной регистрации, а предложение конкретных путей и способов пресечения их деструктивной деятельности. Ибо прецедент судебного запрета Сайентологического центра за несоответствие реальной деятельности заявленным в регистрационном свидетельстве целям и задачам уже имел место в Санкт-Петербурге (2008 г.), и ясно, что сайентологи в этом смысле отнюдь не составляют исключения.

Все это вынуждает нас поставить в рецензии ряд вопросов.

Например, в каком соотношении между собой находятся экуменический проект «Париж – Берлин – Москва» и анонсированная в монографии «Большая Европа будущего без разделительных линий»? Особенно учитывая сделанный авторами акцент на том, что «<...> Общее пространство внешней безопасности предлагает (*sic!*) принятие норм международных отношений, еще не кодифицированных международными договорами, например, в сфере совместной борьбы с терроризмом»? Означает ли это наличие планов вовлечения России в разрешение европейско-мусульманских противоречий после прихода к власти в арабских странах в результате революций «братьев-мусульман», чего, судя по всему, усиленно добиваются США? И какие еще «не кодифицированные международные договоры» авторами имеются в виду?

Безусловно, следует признать, что такой вопрос, как типология цивилизаций, представлен огромным количеством позиций и точек зрения. Их содержательный анализ является одним из очевидных достоинств работы. Вместе с тем монография значительно выиграла бы от применения получающей в настоящее время широкое распространение в рамках цивилизационного подхода проектной концепции, указывающей, как сказано в новой редакции Концепции внешней политики РФ, на «конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития»¹¹. В рамках такого представления Россия после 1917 г. перестает выглядеть «субъектом, поглощенным СССР», как утверждает Е. Ю. Сидоров, вступающий в спор не только с идеологами КПСС, но и с предводителями белого движения А. И. Деникиным и В. В. Шульгиным, считав-

шими СССР реинкарнацией Российской империи, продолжением единой и неразрывной проектной преемственности. (Отдельного комментария, не приводимого нами по этическим соображениям, требует пассаж этого члена авторского коллектива насчет «страны рабской покорности».)

Кроме того – и это главное: благодаря проектному подходу Россия и Запад сразу же начинают выглядеть не двумя частями единого целого, а конкурирующими проектными цивилизациями, противостояние которых является главной исторической тенденцией всей второй половины второго тысячелетия, а не только советского периода.

Принижение конкурентного императива российско-западных отношений, ярко выраженного еще Петром («Европа нам нужна на 100 лет, а потом мы повернемся к ней спиной»), в монографии осуществляется с помощью апелляции к европейскому генезису Византии (с. 36). При этом упускается из виду быстрый, явно символический перенос Константином Великим столицы христианской империи на Восток, проведение первого Вселенского собора в Никее, то есть вообще вне пределов географической Европы, а также разделение империи и размежевание с латинским Западом.

Из этого следует, что в генезисе Византии доминируют отнюдь не европейские традиции, что подтверждается жесткими противоречиями с Ватиканом практически во всех сферах духовной, политической и культурной жизни, а также в догматических и богослужебных вопросах, ставших главным содержанием эпохи Вселенских соборов. Поэтому, с одной стороны, неудачу потерпели попытки объединить Запад и Восток, предпринятые в VI в. Юстинианом I, а с другой – незадолго до принятия православия Древняя Русь

отвергла миссию в Киев папского посланника Адальберта (956 г.). Это внятно зафиксировало ее неоднократно впоследствии подтверждавшийся отказ от пресловутого «европейского выбора», связанного с католицизмом. В пользу этого свидетельствует и приведенная авторами оценка истории российско-польских отношений директором Библиотеки конгресса США Дж. Биллингтоном, в которой констатируется противоположность Руси не только традиционной, католической, но и обновленческой, протестантской версии западного христианства.

Третий вызывающий вопросы аспект – определенные специфические особенности генезиса европейской интеграции. Акцент, сделанный на противопоставлении европейского федерализма унитаризму Третьего рейха, не учитывает факты разработки федералистских планов еще в годы войны эсэсовской верхушкой. Если об инициативах У. Черчилля по созданию Совета Европы как инструмента примирения между Францией и Германией в монографии рассказывает достаточно подробно, то об аналогичных предложениях Ш. де Голлю, исходивших от рейхсфюрера СС Гиммлера и отраженных в военных мемуарах основателя Пятой республики, не говорится ничего*.

Не упоминается также:

– ни о документе Верховного командования СС «Идея мира для Европы 1944/1945» (*Die Europäische Friedensidee 1944/1945*), предполагавшем строительство «Европейской кон-

федерации» в виде «конституционного фюрерского государства» – «ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы»¹²;

– ни о соответствующих разъяснениях, данных в советском плену одним из членов Совета («малого круга») «Черного ордена СС», обергруппенфюрером Гильдебрантом («Отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа и, таким образом, возвращение к первоначальной программе НСДАП; создание Соединенных государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов и подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»¹²);

– ни о планах опоры в реализации данного проекта в СССР на власовскую «Русскую освободительную армию», руководство которой разделяло эсэсовские «федералистские и социалистические» императивы;

– ни о самом происхождении проекта «новой Европы» из планов компромиссного завершения войны, которые, как свидетельствовал в своих мемуарах В. Шелленберг, обсуждались им в разговоре с Гиммлером еще в августе 1942 г.¹³;

– ни о предложениях Шелленберга взять в качестве образца будущей конституции «новой Европы» швейцарскую конфедеративную модель, высокая оценка которой дается в монографии (с. 116);

– ни об обусловленности этими планами попытки ликвидации Гитлера,

---

* Между тем весной 1945 г. Гиммлер писал де Голлю следующее: «<...> Единственный путь, способный привести ваш народ к величию и независимости, – это союз с побежденной Германией. Заявляйте об этом постоянно! Входите в связь с теми людьми в рейхе, которые еще имеют достаточно власти и воли повести свою страну по новому пути. Они готовы к этому. Если вы сами в себе победите дух мести, если используете возможности, данные вам историей сегодня, вы станете величайшим человеком всех времен»¹².

предпринятой 20 июля 1944 г., целью которой со всей очевидностью являлось создание условий для заключения сепаратного мира «обновленного» нацистского режима с западными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции;

– ни о сотрудничестве с нацистами таких крупных фигур послевоенной Германии, как К. Аденауэр, Й. Мюллер, кардинал Фаульгабер, факты которого, вплоть до личного участия в судьбе Аденауэра шефов гестапо и абвера Г. Мюллера и Э. Кальтенбруннера, засвидетельствовал видный сотрудник РСХА К. Нойгауз¹⁴;

– ни о ставшем в 2009 г. достоянием гласности плане операции «Немыслимое», предполагавшем оккупацию Восточной Европы и западной части СССР. Начало новой войны было намечено на 1 июля 1945 г., а в помощь британо-американским войскам планировалось отрядить десять дивизий бывшего вермахта¹⁵;

– ни о роли британских и американских, а также нацистских спецслужб в формировании и развитии исламского фундаментализма, справедливо уязвляемого авторами с международным терроризмом¹⁶, и т. д.

Дискуссионной, на наш взгляд, выглядит и представленная точка зрения на эволюцию европейского экологического движения. Успех «зеленых» связан не столько с энергетической проблематикой, сколько с глубоким укоренением в европейских и национальных институтах идей и планов, выраженных разработанной Римским клубом концепцией так называемого «устойчивого развития», развернутый критический анализ которой нашим журналом уже приводился¹⁶.

Авторам монографии не может не быть известно, что фракция «Зеле-

ные/Европейский свободный альянс» в Европейском парламенте, укрепление которой ими констатируется, является политическим крылом Федералистского союза европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ), финансирование которого осуществляется бюджетом МВД ФРГ.

ФСЕНМ включает более пятидесяти этнических меньшинств из тридцати с лишним государств, в том числе немцев Грузии и Казахстана, ингушей и кабардинцев России, крымских татар и венгров Украины и т. д.

Действуя в составе Совета Европы, ФСЕНМ тесно взаимодействует с Ассоциацией европейских приграничных регионов (АЕПР), отвечающей за реализацию планов «еврорегионализации», в центр которых поставлено перестроение Европы государств в «Европу регионов и племен» (в монографии упоминается формула «Европа народов»).

Этими институтами дело не ограничивается. ФСЕНМ связан с группой «Проект по этническим отношениям» (ПЭО), в рамках которой взаимодействует с Государственным департаментом США и фондами Рокфеллера, Форда, Карнеги. В свою очередь, ПЭО является частью «Платформы за обогащение культурного и этнического разнообразия Европы», включающей Институт Сороса и группу «За права меньшинств» со штаб-квартирой в Лондоне¹⁷.

Полный перечень соответствующих институтов и документов занял бы не одну страницу.

Таким образом, федералистские тенденции, представленные авторами как прогрессивные и демократические, на деле оборачиваются управляемым подрывом территориальной целостности и суверенитета европейских государств, в том числе и России, на территории которой образовано шесть «еврореги-

онов», причем все – в Северо-Западном федеральном округе. Это указывает вектор внешней экспансии против нашей страны, осуществляемой в рамках принятой ООН стратегии «устойчивого развития». Между тем очевидна преимущество этих планов как обнаруженному в германских архивах в 2009 г. Генеральному плану «Ост», так и аналогичным англо-американским проектам расчленения нашей страны – меморандуму А. Бальфура, плану «Петля анаконды» и т. д. Причем основой таких планов являлась идея «тевтонского союза» англосаксонских стран с Германией, выдвинутая в 1899 г. Дж. Чемберленом и получившая развитие в предложенном (1913 г.) полковником Э. Хаузом проекте четырехстороннего альянса этих стран с Японией («для обеспечения мира и развития неразработанных территорий»)¹⁸.

Между тем очевидно, что обращение к этой части европейского исторического и современного наследия способно было бы существенно повысить объективность выводов монографии, особенно в части, касающейся оценок происхождения, роли и места в общем глобалистском замысле таких институтов, как Европейский союз, Совет Европы и ОБСЕ, а также Социнтерн с учетом социалистического генезиса эсэсовского плана «Европейской конфедерации».

Лишь трое членов авторского коллектива – Н. П. Шмелев, В. П. Федоров и А. А. Язькова – затрагивают данную проблематику, указывая на сочетание национализма национальных автономий России с сепаратизмом и поддержку этих тенденций «демократической Европой в лице ее интеграционных органов». Замеченная ими опасность, которую таит в себе формула «Европа от Атлантики до Урала», для территориальной целостности страны дополняет-

ся глубоко осознаваемой угрозой запустения зауральских территорий и отпадения их от страны «естественным путем». Предлагаемый, однако, в качестве выхода из этой ситуации перенос столицы в один из сибирских областных центров, решая в принципе данную проблему, порождает другую, не менее, если не более, опасную. Он напрочь блокирует перспективы постсоветской интеграции и воссоздания «большой страны». Между тем вернуть самодостаточность без Украины и Белоруссии так же невозможно, как и без Сибири и Дальнего Востока.

Объединяя эти оценочные характеристики общей логикой, обратим внимание на выделенные в монографии специфические последствия глобальных перемен. К ним, в частности, отнесены «разделение общества на узкий круг интеллектуалов и всех остальных <...>», кризис ценностей и идентичности, отчуждение человека от поставленной на поток творческой деятельности, заменяемой «алгоритмизированной репродуктивностью», утрату «дисциплины холодной войны» и т. д.

Фиксируемое авторами очевидное нарастание этих тенденций может указывать на приближение человечества не к экономическому, социальному, политическому, идеологическому, экологическому и прочим, а к системному экзистенциальному кризису, который в рамках существующей парадигмы глобального развития может оказаться неразрешимым. А это, в свою очередь, поставит вопрос не столько о будущем человеческой цивилизации, сколько о самом ее существовании. Об этом, например, свидетельствуют результаты ряда исследований, проведенных в России и на Западе, отраженные известным современной науке феноменом «вертикали Снукса–Панова».

Однако авторы, констатируя наступление постиндустриализма и его тесную связь с постмодернизмом, на наш взгляд, не только не расширяют, но и, наоборот, сужают рамки поиска путей предотвращения подобного кризиса, отстаивая лишь одну историческую и ценностную модель развития,

кажущуюся им стандартной и универсальной, применимой во всех случаях. Единственным, пожалуй, исключением является представленный Э. Я. Баталовым «четвертый образ России» как «страны будущего, которой еще предстоит сказать миру свое слово» (с. 484–485).

Не претендуя на окончательность наших оценок и суждений, признавая их противоречивость и дискуссионный характер, в заключение поблагодарим авторский коллектив за прямую или косвенную постановку вопросов, обсуждение которых приближает нас к по-настоящему актуальной для современности и будущего повестке дня – глобальной и российской.

Примечания

- ¹ Най Дж. Проигрышная ставка Китая против Америки // Project Syndicate (США). 2010. 11 марта // <http://www.inosmi.ru/fareast/20100311/158553411.html>
- ² Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Ред. – сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков М. – СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 629, 804–805, 101.
- ³ Хазин М. Л., Гавриленков С. И. О глобальных проектах. Доклад на конференции ВСЭИ // http://worldcrisis.ru/crisis/132450?PARENT_RUBR=wc_glpr
- ⁴ Манн С. Реакция на хаос // http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html
- ⁵ Цит. по: Грачева Т. В. Невидимая Хазария. М., 2010. С. 15–16.
- ⁶ Хазин М. Л. Теория кризиса. Доклад на конференции в г. Модене (Италия), 9 июля 2008 г. // http://www.zlev.ru/163/163_32.htm
- ⁷ Мельгунов С. П. МASONСТВО в его прошлом и настоящем. В 2-х кн. СПб., 1914.
- ⁸ Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние земли и моря // Элементы. 2000. № 8; Саттон Э. Как Орден организует войны и революции. М., 1995. С. 8.
- ⁹ Фурсов А. И. Третий Рим и Третий рейх. Советско-германский покер в американском преферансе // http://www.zlev.ru/87_38.htm
- ¹⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2006. С. 16, 355.
- ¹¹ Концепция внешней политики РФ. Указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440 // www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml
- ¹² Цит. по: Парвулеско Ж. Путин и евразийская империя. М., 2006. С. 197, 111, 112.
- ¹³ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 290–306.
- ¹⁴ Рудаков А. Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха. М., 2008. С. 171–172, 152.
- ¹⁵ <http://oko-planet.su/history/historynew/21958-operacia-nemsyliroe-sekretnye-voennye-plany-u.htm>
- ¹⁶ Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? // Обозреватель-Observer. 2010. № 9-12; 2011. № 1-3.
- ¹⁷ Четверикова О. Н. Бельгия, Испания, далее везде: механизмы перекройки карты Европы // <http://fondsk.ru/article.php?id=1143>
- ¹⁸ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 164; Архив полковника Хауза/ Ред. А. И. Уткин В 2-х кн. М., 2004. Кн. 1. С. 54–55.